

CRIME AND PUNISHMENT: THE GENRE PARADIGM AND THANATOLOGICAL CONTEXT

DOI 10.15826/qr.2019.4.424
УДК 27-36+27-186+27-586(470)

ДРЕВНЕРУССКИЙ ПРЕПОДОБНЫЙ ПРИ КОНЧИНЕ*

Елена Конявская

Институт российской истории РАН,
Москва, Россия

MEDIEVAL RUSSIAN SAINTS AND DEATH**

Elena Konyavskaya

Institute of Russian History of the RAS,
Moscow, Russia

In recent decades, Russian scholars have focused on thanatological motifs in literature which have already borne fruitful results in the foreign academic tradition. However, the works of medieval Russian literature have not yet been considered from such a position. This article analyses the *Lives* of Feodosii Pechersky and Avraamii Smolensky, revealing ideas about the end of earthly life and the transition to the afterlife. The author analyses narratives about the last days of the monks, direct statements of the saints and hagiographers about these phenomena, and other subjects related to this issue. The author compares the thanatological motifs in the *Life* of Theodosius and in Greek hagiography (the *Life* of Sabbas the Sanctified, *Life* of Euthymius the Great, *Life* of St Anthony the Great), which a medieval Russian writer could rely on. It is established that the outline of events in Byzantine hagiography is in many cases similar to the corresponding texts of the *Life* of Feodosii. However, it is only in Nestor's work that we find a reflection on the end of earthly life and the fate of the soul after death. There is no such reflection in the story of the repose of Feodosii in *The Tale of Bygone Years*. In the *Life* of Avraamii Smolensky, thanatological

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-04-00523 «Танатологический дискурс русской словесности XI–XX веков в аспекте межкультурной коммуникации».

** Citation: Konyavskaya, E. (2019). Medieval Russian Saints and Death. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 4. P. 1057–1066. DOI 10.15826/qr.2019.4.424.

Цитирование: Konyavskaya E. Medieval Russian Saints and Death // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 4. P. 1057–1066. DOI 10.15826/qr.2019.4.424 / Конявская Е. Древнерусский преподобный при кончине // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 4. С. 1057–1066. DOI 10.15826/qr.2019.4.424.

subjects take up a lot of space because they were central to Avraamii's preaching. As a result of the study of this hagiography, it can be concluded that the two highly educated and talented old Russian hagiographers Nestor and Efrem reflected the mystical aspirations of the time and portrayed for their descendants the ideas of the intellectual elite about the mystery of the human soul's transition from earthly life to another world and the expectations of the Second Coming.

Keywords: old Russian hagiography; Last Judgment; salvation of the soul; theme of death; the Reverend.

Исследования танатологических мотивов в литературе, имеющие плодотворные результаты в зарубежной научной традиции, в последние десятилетия стали активно проводиться и российскими учеными. Однако произведения древнерусской литературы до сих пор не подвергались целенаправленному анализу с таких позиций. В статье выявлены и проанализированы тексты в житиях Феодосия Печерского и Авраамия Смоленского, касающиеся представлений наших предков о конце земной жизни и переходе в инобытие. Анализируются повествования о последних днях преподобных, прямые высказывания самих святых и агиографов об этих феноменах и другие сюжеты, связанные с данной проблематикой. Проведено сравнение танатологических мотивов в Житии Феодосия Печерского и в греческих житиях (Житие Саввы Освященного, Житие Евфимия Великого, Житие Антония Великого), на которые мог опираться древнерусский сочинитель. Установлено, что событийная канва византийских житий во многих случаях сходствует с соответствующими текстами Жития Феодосия. Однако рефлексия относительно конца земной жизни и посмертной судьбы души присуща только произведению Нестора. Нет такой рефлексии и в повествовании о преставлении Феодосия в Повести временных лет. В Житии Авраамия Смоленского танатологической тематике отведено немало места в силу того, что она была главной в проповедях самого Авраамия. В результате изучения этих памятников агиографии раннего периода можно заключить, что два исключительно образованных и талантливых древнерусских агиографа Нестор и Ефрем отразили в своих сочинениях мистические устремления эпохи и запечатлели для потомков представления интеллектуальной элиты того времени о тайне перехода человеческой души от земной жизни в иной мир и ожидания Второго пришествия.

Ключевые слова: древнерусская агиография; Страшный суд; спасение души; тема смерти; преподобные.

Принимая монашеский постриг, русский подвижник отрекался от мира, «умирал» для суетного света этой жизни. «Яко ты Богу паче приблизилася еси и множайшею частию от мира умертвилася еси», – говорит Зосима Марии Египетской. Но жизнь за монастырскими стенами, даже в самом идеально удаленном от мира варианте, не отменяла для монашествующего важности момента перехода от земно-

го бытия в инобытие. Агиографические памятники сохранили рассказы о последних днях, о преставлении и погребении преподобных в Древней Руси. Безусловно, эти рассказы следовали традиции византийских житий, где устойчивая практика определяла топоры такого повествования [Лопарев, с. 31–32]. Практически обязательными компонентами его были предвидение и предсказание святым своей кончины. Часто незадолго до кончины преподобный впадал в болезнь. При приближении смертного часа он собирал братию для прощального поучения и напутствия. По согласованию с братией выбирался и благословлялся преемник, которому игумен давал наставления по управлению обителью. Наконец, оставшись в одиночестве, святой с молитвой на устах или евангельским «въ руци Твоя предаю духъ мой» уходил из этого мира.

Рассказы в житиях могли быть краткими, а могли насыщаться деталями и подробностями.

Нестор, переходя в Житии Феодосия Печерского к рассказу о последних днях преподобного, говорит:

И уже на коньць жития прѣшъдѣ, прѣже увѣдѣвъ, еже къ Богу свое отшъствие и днь покоя своего: правдѣнымъ бо съмърѣть покои естъ [Библиотека, с. 426].

Феодосию было дано знание о близкой кончине. Он собирает братию и всех живущих в монастыре (называются тиуны, приставники и слуги). Иноки заключают, что он собирается оставить монастырь, однако еще не понимают, что ему предстоит *последний путь*, и предполагают, что он хочет удалиться в пещеру, где он пребывал обычно во время Великого поста или когда имел потребность в уединенной молитве. Но вскоре насельники монастыря узнают, что Феодосия мучит тяжелая болезнь, которая описывается Нестором весьма правдоподобно (налицо признаки сильного воспалительного процесса): «Таче по сихъ блаженаго зимѣ възгрозивъши и огню уже лютѣ распальшу ѿ, и не могъи къ тому ничътоже, възлеже на одрѣ». Им становится ясно, что он говорит об окончании своей земной жизни.

Во время приступов мучительной болезни Феодосий обращается к Господу с просьбой:

Нѣ обаче молю Ти ся, Владыко мои, милостивъ буди души моеи, да не сърящеть ея противныхъ лукавство, нѣ да приимуть ю ангели Твои, проводяще ю сквозѣ пронырство тѣмныхъ тѣхъ мытарствъ, приводяще ю къ Твоего милосердія свѣту.

Здесь упоминаются ангелы и темные силы, претендующие на душу умершего, и мытарства, пройти которые предстоит праведнику, покинувшему этот свет. После этой молитвы силы оставляют Феодосия, он впадает в забытие и лежит недвижим три дня, как мертвый, «не може ни глаголати къ кому, ниже очию провести».

В момент временного отступления болезни он уже определенно сообщает братии о своей близкой кончине («Се, яко уже вѣмъ, вѣмъ житию моему коньчавається, якоже яви ми Господь вѣ постъное вѣмъ, сущю ми вѣ пещерѣ, изити от свѣта сего») и предлагает назвать преемника – будущего игумена монастыря. Братия на следующий день называет Стефана, которого Феодосий благословляет. Он сообщает время своей смерти: «вѣ субботу, по възити сѣльнѣ, душа моя отлучиться от тѣлесе моего». После этого он беседует со Стефаном, последний уже не покидает его, «служа тому сѣ сѣмѣрениемъ, бѣ бо уже болѣзнию лютою одѣржимъ» [Библиотека, с. 428].

В субботу на рассвете он прощается с каждым из братии прощальным целованием и завещает похоронить его в пещере, где он проводил время поста, просит, чтобы на погребении была только братия монастыря. Феодосий заверяет братию, что, отходя от монастыря телом, «духъмъ присно» будет с ним и несет ответственность перед Богом в том, что будет с обителью и после его смерти. Эту мысль в качестве сбывшегося обещания Феодосия повторяет Нестор, сообщая о посмертных чудесах святого, когда он являлся и помогал молившимся ему с верою: «аще и тѣлѣмъ отлоучи сѣ от нас, но, яко же самъ рече, дхъмъ присно сѣ нами естъ» [Успенский сборник, с. 131].

Перед самой кончиной Феодосий пожелал остаться один. Но инок от братии, который ему всегда служил, «малу сѣтворъ скважню, сѣмѣряше ею». Понятно, что поступок инока объясняется любовью к Феодосию и невозможностью расстаться с учителем, с которым всегда был рядом. Но вместе с тем здесь и любопытство, и осознание важности момента – преставления преподобного, и атмосфера напряженного ожидания чудес. Келейник увидел, как блаженный коленопреклоненно молился, затем лег на постель и вскоре,

...възѣрѣвъ на небо, и великъмъ гласомъ, лице весело имыи, рече: «Благословленъ Богъ, аще тако естъ то: уже не боюся, нѣ паче радуся отхожю свѣта сего!» Се же, якоже разумѣти естъ, яко обавление нѣкое видѣвъ, сѣце издрече [Библиотека, с. 430].

Из этих слов ясно, что Феодосий, боявшийся ранее поползновений на его душу бесов, получил подтверждение, что его ждут ангелы.

Чудеса, которых ждали в монастыре, произошли. Одно из них помогло братии выполнить последнюю волю умершего – похоронить его тихо в присутствии только насельников монастыря. Это казалось невозможным, так как «аки нѣ от коего божѣствааго явления» у ворот монастыря собралось много людей (Нестор подчеркивает, что здесь были и бояре), ожидавших, «донѣдеже блаженааго изнесутъ». Монахи заперли ворота и ждали, когда люди разойдутся. Внезапно пошел дождь, и ожидавшие «разбѣгошася». Дождь вскоре прекратился, засияло солнце, и братия смогла отнести усопшего в пещеру, как он заповедовал. Второе знамение было дано князю Святославу,

который ранее посещал больного Феодосия («бѣ бо прѣже того дѣне у него и видѣлъ болѣсть его тяжку сущю»), о чем ранее говорилось в житии¹. Феодосий заповедовал Святославу Ярославичу попечение об обители и покровительство преемнику Стефану. Теперь князь был недалеко от монастыря и увидел огненный столп,

...до небесе сущъ надъ манастырьмъ тѣмъ. Сего же инъ никѣтоже видѣ, нѣ тѣкъмо князь единъ, и якоже от того разумѣти прѣставление блаженнаго, и глагола сущимъ съ нимъ: «Се, якоже мню, дньсь блаженныи Феодосиии умьре» [Библиотека, с. 432].

Таким образом, Нестор обнаружил интерес и знания в отношении христианского учения о жизни и смерти тела и бессмертии души, переходе от земной жизни в жизнь вечную, посмертной судьбе души праведника и святого. В его рассказе говорится о страхе преподобного перед мытарствами, которые ждут его душу, и лишь в последний миг он получает весть от Господа, что как праведник избежит мук. Утверждается, что смерть для праведника – «покой». Вариации мотивов из Притч Соломоновых (3: 1–2; 5: 1; 29: 2 и др.), где проводится подобная мысль, читаются и в Похвальном слове Феодосию Печерскому:

Радости бо, егда днесъ мужъ праведенъ и преподобенъ конецъ жития въсприиметь, егда покои трудъ своихъ узритъ, егда, печаль оставя, на веселье грядеть, егда, землю оставивъ и земная вся, на небеса идеть, егда челоуѣкы оставль, съ ангелы въдворяется, и Бога зрѣти сподобляется. В сии бо день учитель нашъ и наставникъ и пастырь прѣставися в вѣчный живот [Патерик Киевского Печерского монастыря, с. 174–175].

В научной литературе отмечалось, что Нестор, составляя Житие Феодосия Печерского, имел образцом агиографические произведения Кирилла Скифопольского², а также Житие Антония Великого (Египетского), написанное Афанасием Александрийским. Но об образце можно говорить лишь в смысле очевидных примеров, которые были в распоряжении русского агиографа. Нестор следовал топосам преподобнических житий в целом [Артамонов, с. 192–196; Ранчин, с. 98]. Рассказ о последних днях и кончине Антония Великого имеет мало общего с соответствующими текстами Нестора. Совпадают лишь топосы предсказания даты кончины, поучения братии, болезни и напутствия (в случае Антония – двум монахам, которые оставались с преподобным до конца). Повествования же Кирилла Скифополь-

¹ Подробнее об этом сюжете и истории соответствующих текстов см.: [Шахматов, 2003, с. 80, 99; Конявская, 2006, с. 35, 41].

² В частности, он сам указывает на такой образец, приводя в Житии Феодосия аналогию с чудом св. Саввы. Наиболее полные сравнения Жития Феодосия с греческими см.: [Шахматов, 1896; Абрамович, 1898; Абрамович, 1902].

ского о преставлении Саввы Освященного и Евфимия Великого имеют с историей последних месяцев жизни основателя будущей прославленной киевской лавры больше общего.

Житие Саввы сообщает о тяжелой болезни преподобного; в нем нет информации о поучении братии, но рассказывается, что к преподобному были призваны «отцы лавры», которым он определил игумена. Затем следует наставление преемнику, которому Савва дает и письменную заповедь. Кирилл Скифопольский говорит, что после этого Савва никого к себе не пускал и в субботу вечером, приобщившись Святых Тайн, предал душу Господу. Хотя рассказ о его преставлении невелик, он исполнен реальных деталей: описывается посещение больного Саввы патриархом Петром, называются имя и происхождение нового игумена и др.

Рассказ о кончине Евфимия немного пространней и ближе к Несторову Житию Феодосия. На последней своей службе преподобный Евфимий собирает пресвитеров, объявляя им о том, что более не сможет служить, и просит созвать наутро всех отцов для прощального поучения. Затем выбирается новый игумен (называются имена кандидатов). Своему преемнику Илье он дает наставление наедине, в частности, оно касается и будущего лавры, которая, по его предсказанию и заповеди, впоследствии станет киновией. Скончался Евфимий в присутствии только Дометиана, которому предрек преставление через неделю после своей смерти. Преставился Евфимий, как и Савва, в субботу. Таким образом, все трое преподобных умирают в субботний день, но Савва – вечером, Евфимий – ночью, а Феодосий – утром.

Хотя событийная канва рассмотренных выше житий сходна, рефлексия относительно конца земной жизни и посмертной судьбы души присуща только Житию Феодосия Печерского. Проблема эта, видимо, казалась Нестору важной, а уровень познаний и мистическая направленность мышления позволяли ему рассуждать об этих материях.

Характерно, что в повествовании о преставлении Феодосия в Повести временных лет этой рефлексии нет. Ряд расхождений в фактических деталях рассказа о кончине преподобного в житии и в Повести временных лет дают основания для сомнений в том, что автором указанного текста в последней был тот же Нестор [Конявская, 2003]. Так, по летописи, Феодосий произносит поучение к братии перед тем, как уйти в пещеру на время Великого поста. В житии краткий пересказ поучения отнесен к более позднему моменту, когда Феодосий собирает братию, прозрев свою близкую кончину. В Повести временных лет Феодосий лежит в болезни пять дней, в житии – три дня. В житии говорится, что в какой-то момент болезнь его отпустила, он встал и обратился к братии. В летописи же Феодосий просит «изънестися на дворь», его выносят на санях и ставят против церкви. Отличается рассказ о выборе и благословении преемника – будущего игумена обители. Согласно Повести временных лет, иноки сначала упорно отказываются назвать кандидата в игумены, уверяя, что при-

мут всякого, кого назовет Феодосий: «Послушаемъ его, яко и тебе». Он просит их назвать любого, кроме Николы и Игната. Братия опять настаивает, чтобы выбирал Феодосий. Когда же игумен, ссылаясь на «Божье строенье», называет пресвитера Иакова, иноки не соглашаются: «Не здѣ есть постригѣлься». Лишь после этого они называют Стефана. В житии преподобный просит назвать имя преемника, братия думает день, затем просит благословить на будущее игуменство Стефана. Феодосий его благословляет, о каких-либо обсуждениях кандидатуры наставника не сообщается. Далее в житии говорится, что при Феодосии остается только Стефан, а братию преподобный призывает к себе для прощания лишь наутро, в то время как, согласно Повести временных лет, «прѣсѣдѣша братья у него ту ночь всю» [Библиотека, с. 224]. В летописи преподобный просит похоронить его в пещере ночью, что и было сделано, в житии, как мы видели, братия хоронит преподобного при солнечном свете.

При этом имеется текстуально совпадающий фрагмент. Это слова, которые произносит Феодосий, когда болезнь временно отступает. Игумен собирает монахов, сообщает им о своей близкой кончине и предлагает назвать будущего игумена.

ПВЛ

Братѣ моя, и отци мои, и чада моя! Се азъ отхожю от васъ, якоже яви ми Господь в постыное время, в пещерѣ ми суую, изыти от свѣта сего. Вы же кого хотите игуменомъ поставити себѣ; да и азъ благословение подаю быхъ ему? [Библиотека, с. 224].

Житие

Братие моя и отъци! Се, яко уже вѣмъ, врѣмя житию моему кончевается, якоже яви ми Господь въ постыное врѣмя, суую ми в пещерѣ, изыти от свѣта сего. Вы же помыслите въ себѣ, кого хотите, да азъ поставлю и вамъ въ себе мѣсто игумена [Библиотека, с. 428].

Такое совпадение не могло быть случайным. Более того, оно заставляет предполагать, что либо существовал общий для обоих текстов источник, либо один из авторов был знаком с текстом другого. И то, и другое предположение делает абсолютно необъяснимыми противоречия деталей, о которых уже шла речь. Но можно думать, что в монастыре велись какие-то записи, связанные с наиболее важными событиями в истории обители. Ученики Феодосия могли фиксировать самые значительные речи преподобного, что объясняет обилие таких речей в обоих текстах и то текстуальное совпадение, которое мы встречаем в обращении игумена к братии³.

³ Менее правдоподобной представляется гипотеза С. А. Бугославского о существовании устного предания, из которого почерпнули слова Феодосия составители соответствующих текстов Повести временных лет и жития [Бугославский, с. 175], ибо трудно объяснить, почему именно эти слова остались в предании и не запомнились остальные не менее значительные подробности.

При этом, как уже отмечалось, рефлексия относительно кончины и последующей судьбы души в летописном рассказе отсутствует. Единственное обращение в нем к этой теме – это слова умирающего настоятеля о вечной связи его души с монастырем и ответственности за него:

Аще по моемъ отшествии свѣта сего, аще буду Богу угодиль, и приять мя будетъ Богъ, то по моемъ отшествии монастырь ся начнетъ строити и прибывати в немъ, то вѣжъте, яко приять мя есть Богъ. Аще ли по моемъ животѣ оскудѣвати начне монастырь черноризьци, потребамъ монастырьскими, то вѣдуще будете, яко не угодиль буду Богу [Библиотека, с. 226].

О том же, хотя и другими словами, говорит Феодосий и в житии:

Обаче о семь разумѣите дѣрьзновение мое, еже къ Богу: егда видите всѣя благая умножающаяся въ монастыри семь, вѣдите, яко близъ Владыкы небеснааго ми сущю. Егда ли видите скудѣние суще и всѣмъ умяляющеса, тѣгда разумѣите, яко далече ми Бога быти и не имуща дѣрьзновения молитися къ Нему [Там же, с. 430].

Но этот мотив является топосом для преподобнических житий и не может в сколь-нибудь значительной степени характеризовать особенности мировоззрения пишущего.

Создавая Житие Авраамия Смоленского, его автор, ученик Авраамия Ефрем, во многом следовал традиции Нестора [Конявская, 2004, с. 89–91]. Однако акцент на мистике в отношении танатологических феноменов обнаружил себя в этом агиографическом сочинении в ином аспекте. В рассказе о кончине Авраамия Ефрем чрезвычайно краток. Он говорит, что преподобный заболел и преставился, «его же желаше и получи, царство небесное» [Розанов, с. 20]. Но темам Страшного суда, Второго пришествия, а также посмертной судьбы души в Житии Авраамия отведено немало места в силу того, что они были главными в проповедях самого преподобного. Так, в житии говорится, что Авраамий написал две иконы – «Страшный суд Второго пришествия» и «Испытание воздушных мытарств». Агиограф описывает день Страшного суда, ссылаясь на учение Иоанна Златоуста, но, возможно, и вспоминая иконописные образы, созданные Авраамием:

...рѣка огнена предъ судищемъ течеть, и книги разгибаются, и Судии сѣде, и дѣла откроются всѣхъ. Тогда слава и честь, и радость всѣмъ праведнымъ, грѣшнымъ же мука вѣчная, ея же и самъ сотона боится и трепещеть...

Он заключает: «Да аще страшно есть, братье, слышати, страшнѣе будетъ самому видети» [Розанов, с. 8]. Об огненной реке говорит Ефрем и далее: после смерти епископа Игнатия

...блаженни Аврааміи часто собѣ поминая, како истяжутъ душу пришедшей аггели, и како испытаніе на въздусѣ отъ бѣсовскихъ мытаревъ, како есть стати прѣдъ Богомъ и отвѣтъ о всемъ въздати, и в кое мѣсто поведуть, и како въ Второе пришествіе предстати предъ судищемъ страшнаго Бога, и какъ будетъ отъ судья отвѣтъ, и како огненная рѣка потечетъ, пожагаючи вся, и кто помагаа будетъ развѣи покаяніа и милостыня, и беспрестанныя молитвы, и кто всѣмъ любы, и прочая иная дѣла благая, яже обрѣтаются помагающія души [Розанов, с. 19].

Эти тексты дают возможность вообразить, какие впечатляющие картины рисовал перед братией и паствой проповедник-мистик.

Неожиданное завершение тема земного и загробного существования находит в похвале Авраамію, заключающей агиографическое сочинение Ефрема. Он призывает к радости в день памяти Аврааміа и живых, и преставившихся:

И нынѣ радуитесь и вы, отшедшіи и преставльшиися отъ сего свѣта, и паки и еще живущи съ трыпніемъ о Бозѣ, веселитесь и радуитесь, и ликуйте въ святое успеніе богоноснаго отца Аврааміа! [Розанов, с. 23].

Так два исключительно образованных и талантливых агиографа отразили в своих сочинениях мистические устремления эпохи и запечатлели для потомков представления интеллектуальной элиты того времени о тайне перехода человеческой души от земной жизни в иной мир и чаяния «воскресения мертвых и жизни будущего века».

Список литературы

Абрамович Д. И. К вопросу об источниках Несторова Жития преп. Феодосия Печерского // ИОРЯС. 1898. Т. 3, кн. 1. С. 243–246.

Абрамович Д. И. Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. СПб. : Отд. рус. яз. и словесности Императ. Акад. наук, 1902. 213 с.

Артамонов Ю. А. Житие Феодосия Печерского: проблемы источниковедения // Древнейшие государства Восточной Европы: 2000 год : Проблемы источниковедения. М. : Вост. лит., 2003. 446 с.

Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. СПб. : Наука, 1997. Т. 1. 544 с.

Бугославский С. А. К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преподобного Нестора // ИОРЯС. 1914. Отд. 2. Т. 19, кн. 3. С. 153–191.

Конявская Е. Л. Какую летопись писал Нестор? // Родина. 2002. № 11–12. С. 89–91.

Конявская Е. Л. Проблема общих мест в древнеславянских литературах (на материале агиографии) // Ruthenica. 2004. Т. 4. С. 80–92.

Конявская Е. Л. Древнейшие редакции Киево-Печерского патерика // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2006. № 1 (23). С. 32–45.

Лопарев Х. М. Греческие жития святых VIII и IX веков: Опыт научной классификации памятников агиографии. Пг. : Тип. Императ. Акад. наук, 1914. Ч. 1. 568 с.

Патерик Киевского Печерского монастыря / под ред. Д. И. Абрамовича. СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1911. 275 с.

Ранчин А. М. Житие Феодосия Печерского: традиционность и оригинальность поэтики // Ранчин А. М. Статьи о древнерусской литературе. М. : Диалог – МГУ, 1999. С. 83–104.

Розанов С. П. Жития преп. Авраамия Смоленского и службы ему. СПб. : Отд. рус. яз. и словесности Императ. Акад. наук, 1912. 166 с.

Успенский сборник XII–XIII вв. / изд. подг. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон ; под ред. С. И. Коткова. М. : Наука, 1971. 770 с.

Шахматов А. А. Несколько слов о Несторовом Житии Феодосия // ИОРЯС. 1896. Т. 1, кн. 1. С. 46–65.

Шахматов А. А. Киево-Печерский патерик и Печерская летопись // Шахматов А. А. История русского летописания. СПб. : Наука, 2003. Т. 1, кн. 2. С. 75–102.

References

Abramovich, D. I. (1898). K voprosu ob istochnikakh Nestorova Zhitiya prepodobnogo Feodosiya Pecherskogo [On the Sources of Nestor's Life of Feodosii Pechersky]. In *IORYaS* [Proceedings of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences]. Vol. 3. Book 1, pp. 243–246.

Abramovich, D. I. (1902). *Issledovanie o Kievno-Pecherskom paterike kak istoriko-literaturnom pamyatnike* [A Study of the Kyivan Cave Patericon as a Historical and Literary Work]. St Petersburg, Otdelenie russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk. 213 p.

Abramovich, D. I. (Ed.). (1911). *Paterik Kievskogo Pecherskogo monastyrya* [The Patericon of the Kyivan Cave Monastery]. St Petersburg, Tipografiya M. A. Aleksandrova. 275 p.

Artamonov, Yu. A. (2003). Zhitie Feodosiya Pecherskogo: problemy istochnikovedeniya [The Life of Feodosii Pechersky: Issues of Source Studies]. In *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy: 2000 god. Problemy istochnikovedeniya*. Moscow, Vostochnaya literatura. 446 p.

Biblioteka literatury Drevnei Rusi [Library of Medieval Russian Literature]. (1997). St Petersburg, Nauka. Vol. 1. 544 p.

Bugoslavskii, S. A. (1914). K voprosu o kharaktere i ob'eme literaturnoi deyatelnosti prepodobnogo Nestora [On the Nature and Scope of the Literary Activity of the Reverend Nestor]. In *IORYaS* [Proceedings of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences]. Section 2. Vol. 19. Book 3, pp. 153–191.

Knyazevskaya, O. A., Dem'yanov, V. G., Lyapon M. V., Kotkov, S. I. (Eds.). (1971). *Uspenskii sbornik XII–XIII vv.* [The Uspensky Collection of the 12th–13th Centuries]. Moscow, Nauka. 770 p.

Konyavskaya, E. L. (2002). Kakuyu letopis' pisal Nestor? [What Chronicle Did Nestor Write?]. In *Rodina*. No. 11–12, pp. 89–91.

Konyavskaya, E. L. (2004). Problema obshchikh mest v drevneslavianskikh literaturakh (na materiale agiografii) [The Problem of Common Places in Old Slavic Literatures (with Reference to Hagiographic Material)]. In *Ruthenica*. Vol. 4, pp. 80–92.

Konyavskaya, E. L. (2006). Drevneishie redaktsii Kievno-Pecherskogo paterika [The Oldest Edition of the Kyivan Cave Patericon]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. No. 1 (23), pp. 32–45.

Loparev, Kh. M. (1914). *Grecheskie zhiitiya svyatykh VIII i IX vekov. Opyt nauchnoi klassifikatsii pamyatnikov agiografii* [The Greek Lives of Saints of the 8th and 9th Centuries. An Attempt at an Academic Classification of Hagiographic Works]. Petrograd, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. Part 1. 568 p.

Ranchin, A. M. (1999). Zhitie Feodosiya Pecherskogo: traditsionnost' i original'nost' poetiki [The Life of Feodosii Pechersky: Traditional and Original Poetics]. In Ranchin, A. M. *Stat'i o drevnerusskoi literature*. Moscow, Dialog – MGU, pp. 83–104.

Rozanov, S. P. (1912). *Zhiitiya prepodobnogo Avraamiya Smolenskogo i sluzhby emu* [The Life of Avraamii Smolensky and Offices to Him]. St Petersburg, Otdelenie russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk. 166 p.

Shakhmatov, A. A. (1896). Neskol'ko slov o Nestorovom Zhitiie Feodosiya [A Few Words about Nestor's Life of Feodosii]. In *IORYaS* [Proceedings of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences]. Vol. 1. Book 1, pp. 46–65.

Shakhmatov, A. A. (2003). Kievno-Pecherskii paterik i Pecherskaya letopis' [The Kyivan Cave Patericon and The Chronicle of the Holy Dormition Kiev-Pechersk Lavra]. In Shakhmatov, A. A. *Istoriya russkogo letopisaniya*. St Petersburg, Nauka. Vol. 1. Book 2, pp. 75–102.